

УДК 82.091; 821.161.3.06

**«БЛОКАДНАЯ КНИГА» А. АДАМОВИЧА В ОЦЕНКАХ КИТАЙСКИХ
ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ**

Лянь Хайбо

*Белорусский государственный университет иностранных языков
Минск, Республика Беларусь, lhb1020425313@gmail.com*

В статье рассматривается рецепция «Блокадной книги» в китайском литературоведении и её связь с поэтикой литературы факта. Показано, что произведение воспринимается как образец документально-исповедальной прозы, соединяющий историческую достоверность и эмоциональную правду травматической памяти.

Ключевые слова: Алесь Адамович; мы-нарратив; «Блокадная книга»; рецепция; литература факта; военная память, документ.

В первой половине XX века процессы исторического развития Китая и Беларуси демонстрируют значительное сходство. Великая Отечественная война для Беларуси и война сопротивления китайского народа японской агрессии стали не только переломными этапами в борьбе за национальное существование двух стран, но и важнейшими составляющими мировой антифашистской войны. Несмотря на то, что эти события по-разному повлияли на процессы модернизации Китая и Беларуси, они оставили глубокий, неизгладимый след в культурной памяти народов. Именно в этом общем историческом контексте литература, обращённая к фиксации военного опыта и осмыслению исторической травмы, заняла значительное место в обеих национальных традициях.

Алесь Адамович (1927–1994) стал одной из ключевых фигур белорусского литературного пространства, соединяющих историю и литературу, индивидуальный опыт и судьбу народа. В 1980-е годы творчество Алеся Адамовича вошло в сферу китайского изучения зарубежной литературы. В китайском литературоведении рецепция «Блокадной книги» Алеся Адамовича и Даниила Гранина может быть рассмотрена в нескольких взаимосвязанных аспектах. В данной статье литература факта понимается как форма документально-художественного письма, основанная на свидетельствах, дневниках, воспоминаниях и других материалах невымышленного характера.

Во-первых, китайские исследователи воспринимают это произведение в контексте антифашистской военной литературы. В таком понимании «Блокадная книга» продолжает традицию изображения войны как всенародного исторического испытания и сближается с темой «народной войны», поскольку в центре внимания оказываются не только военные события, но и нравственная стойкость простых людей, переживающих блокаду.

Во-вторых, произведение рассматривается как значимый образец документальной литературы и литературы факта. Китайские учёные подчёркивают особую роль дневниковых записей, устных свидетельств, воспоминаний и интервью, благодаря которым историческая реальность раскрывается не через авторский вымысел, а через непосредственные голоса очевидцев.

В-третьих, важное место в китайской рецепции занимает гуманистическое осмысление войны и травматической памяти. «Блокадная книга» воспринимается не как произведение, ограниченное прославлением героизма, а как текст, раскрывающий страдания, нравственный выбор, внутреннее достоинство обычного человека в условиях исторической катастрофы. Именно соединение антифашистской проблематики, документальной основы и гуманистической направленности определяет своеобразие китайского восприятия этого произведения.

В 1985 году исследователь Чжан Шань в академическом журнале «Мировая литература» [1] представил краткий биографический очерк о писателе Алесе Адамовиче, а также ввел в поле зрения китайской читательской и исследовательской аудитории произведение «Блокадная книга», написанное в соавторстве Алеся Адамовича и Даниила Гранина. В том же году Чжан Сяоцзюнь опубликовал в журнале «Мировая литература» перевод фрагмента «Блокадной книги» и отметил, что «влияние войны на современное человеческое общество является одновременно глубоким и масштабным, а такие произведения, как “Блокадная книга”, относятся к литературе факта (документальной литературе), отражают и описывают Вторую мировую войну с точки зрения своих авторов; благодаря подобным про-

изведениям читатель может получить панорамное представление о войне» [2, с. 5].

Первая и вторая части «Блокадной книги» были опубликованы соответственно в 1977 и 1981 годах. Основанное на дневниковых записях и воспоминаниях жителей блокадного Ленинграда, это произведение воссоздаёт один из наиболее трагических периодов в истории города и раскрывает человеческую цену войны. Будучи значимым образцом документально-исповедального жанра, «Блокадная книга» строится прежде всего на свидетельствах и записях людей, непосредственно переживших блокаду. В произведении представлены реальные обстоятельства повседневной жизни ленинградцев в условиях осады: борьба с голодом, взаимопомощь в пограничных ситуациях между жизнью и смертью, выживание в разрушенном городе. Данное произведение представляет иную правду о войне: героизм батальных сражений здесь уступил место другому состоянию – остаться человеком в экстремальной ситуации «ленинградского апокалипсиса», который длился 872 дня.

Особое значение имеет вторая часть произведения, в центре которой находятся дневниковые свидетельства трёх блокадников. Отбирая, систематизируя и композиционно соединяя эти материалы, Алесь Адамович и Даниил Гранин раскрывают не только внешние обстоятельства жизни осаждённого Ленинграда, но и внутренний мир его жителей. Через их наблюдения, переживания и нравственные реакции авторы показывают духовную стойкость и высокое моральное достоинство человека в экстремальных условиях исторической катастрофы.

С точки зрения китайских исследователей, «Блокадная книга» раскрывает перед читателем широкую галерею человеческих образов военного времени и выводит в общественное поле зрения жителей города и обычных людей, которые в предшествующей военной литературе нередко оставались на периферии изображения. Тем самым подчёркивается их значимость в условиях войны. Ян Дайлэ в работе «Документально-художественные романы Д. Гранина» отмечает, что «Блокадная книга» в определённой степени наследует тему «народной войны», представленную в романе Л. Н. Толстого «Война и мир», и показывает, что победа в антифашистской войне была достигнута именно благодаря патриотическому поведению простого народа [3, с. 61].

По мнению Чжан Сяоцзюня, вторая часть «Блокадной книги» является более типичным и более глубоким произведением документальной литературы, поскольку через дневники и свидетельства трех персонажей, резко различающихся по жизненному опыту, возрасту и положению, – Георгия Алексеевича Князева, Юры Рябинкина и Лидии Георгиевны Охупкиной, – авторы раскрывают внутренний мир жителей блокадного Ленинграда» [2, с. 8].

Первая часть «Блокадной книги» служит своеобразным введением ко всему произведению, тогда как во второй части авторы последовательно прерывают дневниковые записи и воспоминания трех главных героев вставными эпизодами. Такая непрерывная интерполяция в структуре повествования позволяет сопоставить и взаимно дополнить ограниченные и своеобразные перспективы каждого из героев, благодаря чему формируется многоплановая, насыщенная и по-настоящему глубокая панорамная картина, в которой временные и пространственные границы максимально расширены. Литературовед О. Н. Губская называет такой формат организации материала «мы-нарративом, который демонстрирует полифоническое звучание одного и того же факта» [4, с. 120.]

Особое значение в поэтике произведения приобретает дневниковая форма. Дневник по своей природе связан с интимностью, непосредственностью и психологической выразительностью. В «Блокадной книге» частные записи блокадников перестают быть лишь вспомогательным документальным материалом: они становятся самостоятельным повествовательным голосом. Именно дневник фиксирует опыт человека, находящегося внутри исторической катастрофы, в момент её непосредственного переживания, поэтому его достоверность определяется не только фактической точностью, но и способностью передать состояние страха, голода, ожидания и нравственного напряжения как опыт настоящего времени.

Не менее важную роль играют устные воспоминания (ретроспективные рассказы очевидцев о пережитых событиях в устной форме) и свидетельства очевидцев. В отличие от дневника, они возникают уже после пережитого события и потому несут на себе след временной дистанции и последующей рефлексии, однако эта дистанция не отменяет их достоверности, а придаёт ей иной характер. Если дневник передаёт непосредственную правду события, то воспоминание раскрывает эмоциональную правду травматического опыта. В устном свидетельстве к рассказчику возвращается пережитый страх, боль утраты и нравственное потрясение, благодаря чему документальный материал приобретает глубокую психологическую и гуманистическую выразительность.

Художественная целостность «Блокадной книги» создаётся благодаря монтажной композиции. Дневниковые записи, устные воспоминания, интервью и другие документальные материалы соплагаются в тексте без жёсткой авторской оценки. Авторы сознательно ослабляют собственное повествовательное присутствие, предоставляя слово самим свидетелям. В результате возникает полифоническая структура, в которой разные голоса не растворяются в единой авторской позиции, а взаимно дополняют друг друга. Именно монтажная организация превращает документальный материал в художественное целое и позволяет соединить событийную правду истории с внутренней правдой человеческого переживания.

Эта особенность поэтики А. Адамовича получила отражение и в китайских исследованиях. Так, У Сяоду подчёркивает, что «Блокадная книга» органически соединяет документальность и художественность, а использование различных документальных форм оказало влияние на формирование документально-художественной манеры последующих белорусских писателей [5, с. 170].

В более широком теоретическом плане эта поэтика соотносится с пониманием литературы факта в китайской критике, где «Блокадная книга» также рассматривается как один из текстов, открывших документально-исповедальный жанр в советской военной литературе. Чжан Бяньгэ в статье ««Сверхлитература» как жанр документально-художественной литературы» отмечает, что жанровому творчеству Алеся Адамовича присущ своего рода «сверхлитературный» характер: опираясь на устные документальные свидетельства и используя различные повествовательные стратегии, в том числе исповедальное повествование от первого лица, писатель стремится восстановить истину и выдвинуть на первый план трагическое переживание человека внутри исторического события, благодаря чему сама правда приобретает чрезвычайную силу воздействия. Традиционная художественная литература, основанная на вымысле, перед лицом крупных исторических катастроф, подобных войне, с трудом способна передать историческую правду. В подобных обстоятельствах вымысел также оказывается не в состоянии угнаться за жестокостью самой реальности» [6, с. 10]. Исследователь полагал, что советская

традиция литературы факта тематически ограничивалась преимущественно социально-политической сферой, редко обращаясь к индивидуальному опыту. Художественно она опиралась на повествование от третьего лица о событиях, пережитых свидетелями, что неизбежно снижало интенсивность передачи чувств непосредственных участников трагедии. Очевидно, что литература факта способна сохранять память благодаря устным документальным свидетельствам очевидцев и даже фиксировать тон голоса, взгляд, выражение лица и атмосферу самого момента записи. «Именно уважительное отношение Алеся Адамовича к «документу» приводит к изменению самого содержания этого понятия: смысловые границы «документа» расширяются и охватывают внутренний духовный мир человека. Более того, такой тип документа выводит темы, связанные с частной жизнью личности, из скрытой приватной сферы в сферу общественную, тем самым превращая их в социальные проблемы и способствуя формированию публичного дискурса. Если обратиться к «Блокадной книге», то можно увидеть, что жизненная сила этого произведения во многом определяется отбором документальных материалов и их монтажно-коллажной организацией в тексте», – считает Чжан Бяньгэ [6, с. 13].

Таким образом, «Блокадная книга» Алеся Адамовича и Даниила Гранина была воспринята в Китае не только как текст о блокаде Ленинграда, но и как значимый образец литературы факта. Его поэтика основана на соединении дневниковых записей, устных воспоминаний, интервью и других документальных материалов, благодаря чему создаётся полифоническая картина исторической трагедии. Особая выразительная сила произведения заключается в сочетании двух типов правды: документальной правды события и эмоциональной правды травматической памяти. Именно поэтому данное произведение занимает важное место в китайском осмыслении документально-художественной прозы, военной памяти и гуманистической проблематики литературы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. 章杉. 阿达莫维奇, 格拉宁 / 章杉 // 世界文学. – 北京, 1985. – № 2. – С. 81–82. = Чжан, Шань. Адамович, Гранин / Чжан Шань // Мировая литература. – Пекин, 1985. – № 2. – С. 81–82.
2. 阿达莫维奇, А. 围困纪事 / А. 阿达莫维奇, Д. 格拉宁; 张小军译 // 世界文学. – 北京, 1985. – № 2. – С. 5–80. = Адамович, А. Блокадная книга / А. Адамович, Д. Гранин; пер. Чжан Сяоцзюня // Мировая литература. – Пекин, 1985. – № 2. – С. 5–80.
3. 杨岱勒. 格拉宁的纪实体小说 / 杨岱勒 // 外国文学研究. – 北京, 1987. – № 1. – С. 56–61. = Ян, Дайлэ. Документально-художественные романы Гранина / Ян Дайлэ // Исследования зарубежной литературы. – Пекин, 1987. – № 1. – С. 56–61.
4. Губская, В. М. Тэарэтычная сістэма Алеся Адамовіча: літаратура факта як асобная эстэтыка / В. М. Губская // Вестник БГУИЯ. Сер. 1, Филология. – 2026. – № 2 (4). – С. 114–120.
5. 吴晓都. 在纪实与虚构之间 / 吴晓都 // 俄罗斯文学研究. – 北京, 2018. – С. 169–174. = У, Сяоду. Между документальностью и вымыслом / У Сяоду // Исследования русской литературы. – Пекин, 2018. – С. 169–174.
6. 张变革. 作为文献纪实文学体裁的“超文学” / 张变革 // 中州大学学报. – 郑州, 2022. – № 5. – С. 10–16. = Чжан, Бяньгэ. «Сверхлитература» как жанр документально-художественной литературы / Чжан Бяньгэ // Вестник университета Чжунчжоу. – Чжэнчжоу, 2022. – № 5. – С. 10–16.

**“THE BLOCKADE BOOK” BY A. ADAMOVICH IN THE ASSESSMENTS OF
CHINESE RESEARCHERS**

Haibo Lian

*Belarusian State University of Foreign Languages
Minsk, Republic of Belarus, lhb1020425313@gmail.com*

The article examines the reception of *The Blockade Book* by Ales Adamovich and Daniil Granin in Chinese literary studies and its connection with the poetics of literature of fact. It shows that Chinese scholars interpret the work not only as a text about the siege of Leningrad, but also as an example of documentary-confessional prose. Special attention is paid to diaries, oral testimonies, interviews and eyewitness accounts as elements of its polyphonic structure. The conclusion emphasizes the combination of historical authenticity and the emotional truth of traumatic memory.

Keywords: Ales Adamovich; we-narrative; *The Blockade Book*; reception; literature of fact; war memory; document.